

Маргарита Терехова

Из первых
уст...

Маргарита Борисовна Терехова

Из первых уст...

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=21984212

Из первых уст...: Этерна; Москва; 2013

ISBN 978-5-480-00316-1

Аннотация

Книга народной артистки РФ Маргариты Борисовны Тереховой о ее жизни, творчестве и судьбе. Для широкого круга читателей.

Содержание

К читателю	5
1. Актерская семья	9
2. Студия Ю. А. Завадского и театр им. Моссовета	59
Конец ознакомительного фрагмента.	99

Маргарита Терехова

Из первых уст...

© М. Б. Терехова, 2013

© М. С. Воробьева, литературная обработка, 2013

© ООО «Издательство «Этерна», 2013

* * *

К читателю

На протяжении многих лет зрители и поклонники обращались к Маргарите Борисовне с просьбой написать книгу воспоминаний о жизни и творчестве. Но она отказывалась. Поэтому настоящее издание подготовлено по материалам многочисленных интервью с Маргаритой Тереховой, аудио- и видеоматериалов о ней, дополненных записями моих личных бесед с нею. Также в подготовке книги принимала активное участие Анна Терехова, дочь Маргариты Борисовны.

Творческая судьба этой выдающейся актрисы театра и кино принесла ей колоссальную популярность и неугасающую зрительскую любовь. И как бы ни были несхожи созданные ею образы, в них всегда ощущалось нечто общее – особая актерская методика, высочайший профессионализм и самоотдача.

И в юности, будучи «девочкой с косой», золотой медалисткой, приехавшей из Ташкента, и в зрелый творческий период Маргарита Терехова во время работы над ролью всегда стремилась обращаться к архивам, документам, первоисточнику, узнавать, по возможности, все «из первых уст». Это и отражено в названии книги, которую вы держите в руках. В тексте сохранены индивидуальные особенности речевой манеры актрисы, а многочисленные фотографии из лич-

ного архива семьи Тереховых дополняют и развивают главные темы ее повествования.

Надеемся, что книга будет интересна не только многочисленным поклонникам этой всенародно любимой актрисы, но и всем тем, кто интересуется театром и киноискусством, а также пригодится будущим исследователям творчества М. Б. Тереховой.

Мария Воробьева

Маргарите Тереховой

Кто ты, Маргарита? Яркая роза, гроздь винограда, золотая птица? Нет, это все кажется. Ты – мотылек. Беззащитная душа, тончайшие крылышки. О таких, как ты, писал Теннесси Уильямс, американец. Он обвинял вас, как и самого себя, в вашей слабости, в том, что вы не копите жирок, в том, что вы не становитесь львицами. Но он и восхищался вами... Нет ничего сильнее вашей слабости. «Будьте как дети...» Не надо железных мускулов, не надо сильного духа. Будьте как дети... Оставайся беззащитной любопытной девочкой, Ритуля. Путешествуй по своей планете, как Маленький принц. Ведь о таких, как ты, писал Сент-Экзюпери, француз. Иди по своему городу, как Грета Гарбо в толпе, где ее никто не узнавал. Разговаривай с розой, которую будешь оберегать. Верь в доброту первого встречного... Ведь это буду я. И когда мы обнимемся, я опять воскликну: «Кто ты?.. Кто ты?.. Кто ты?..» Я ошибся, ты не мотылек. В нашем Театре – ты жрица любви... красоты... отчаяния... одиночества... непредсказуемый вулкан, огненная лошадь! Так кто же ты? Знаю. Чувствую. Ты – Тайна...

Твой Роман Виктюк

1. Актерская семья

Начну рассказ о моем детстве и семье с предков. Дед по матери, Ян Станислав Гелиодор Томашевич, был белым офицером царской армии, дворянином. В годы Гражданской войны пропал без вести.

Его жена Анна Адамовна Шаняевская, моя бабушка, пошла на фронт, стала там сестрой милосердия.

У нас дома хранились письма Анны Адамовны. В них она рассказывала о себе и своих родителях, которых звали Адамом и Евой. Бабушка отдала детям свои драгоценности, но времена менялись стремительно, и все дорогие вещи, конечно, были утеряны. Бабушка умерла от тифа в бараке, а трое ее дочерей – Нина, Вера и Галя – выжили. Самая младшая, Галя, моя будущая мама, осталась сиротой в три года.

Мама родилась в начале прошлого века в польском городе Радом. Влюбленный в бабушку человек по фамилии Йоффе вывез их из Польши в Евпаторию, подальше от ужасов Гражданской войны. В Крыму еще можно было как-то существовать. Начались мытарства по детским домам, бесконечные переезды с места на место. Из нехитрого приданого был лишь старинный образок Мадонны. Он до сих пор бережно хранится в нашей семье. Позже, когда мы с мамочкой оказывались недалеко от Севастополя, она, показывая в сторону города, говорила: «Там, наверное, они похоронены». Я все-

гда старалась поклониться в ту сторону...

Мама росла в Крыму, работала на швейной фабрике, но мечтала стать актрисой, очень интересовалась театральным искусством. Ночи напролет она занималась самостоятельно, много читала, придумывала этюды.

Ян Станислав Гелиодор Томашевич, мой дедушка

Анна Адамовна Шанявская, моя бабушка

Ян Станислав Гелиодор Томашевич, мой дедушка

Однажды она случайно увидела объявление, что в Симферопольском драматическом театре набирается курс. Галина, польская красавица с точеной фигуркой, густыми рыжими волосами и зелеными глазами, решила попытать счастья и в итоге поступила в Симферопольское театральное училище.

Ей очень нравилось заниматься, она обожала всех своих педагогов. Вскоре Галина Томашевич уже и сама параллельно преподавала танцы. По окончании училища ее оставили в Симферопольском драматическом театре. Она играла блистательно, великолепно, и местное руководство театра приняло решение отправить молодую талантливую актрису Галину Станиславовну Томашевич в Москву к режиссеру Александру Яковлевичу Таирову¹.

¹ Таиров, Александр Яковлевич (1885–1950) – российский и советский актер и режиссер, создатель и художественный руководитель Камерного театра, народный артист РСФСР.

Галя, Вера и Нина Томашевич

Таиров, создатель так называемого синтетического театра, стремился к синтезу театра, музыки, балета, живописи. Работа с Александром Яковлевичем – удача для любого актера. В Симферополе маме дали рекомендательное письмо (оно также хранится до сих пор в нашей семье как реликвия).

Как раз в это время в маму влюбился нарком Крыма. Они собирались вместе ехать в Москву, но его неожиданно арестовали и расстреляли. Галина отправилась в Москву одна. Это все происходило в 1930-е годы.

К сожалению, рекомендательное письмо в руки Таирова

так и не попало. Великий режиссер в это время был арестован, репрессирован. Маме об этом не сказали.

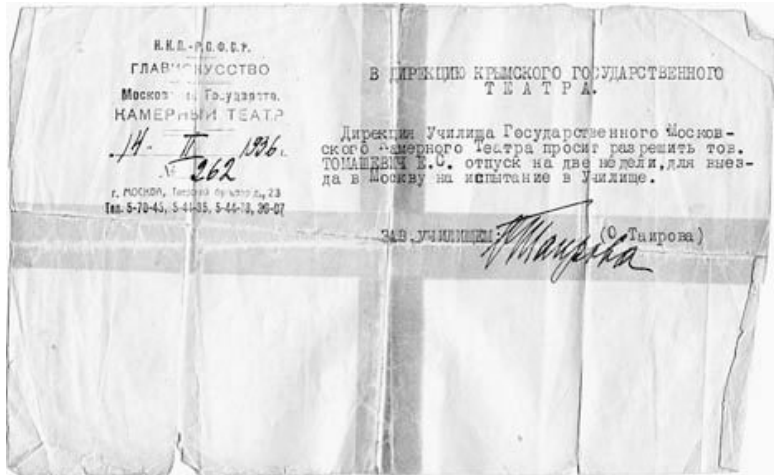

Галина Томашевич, моя мама. 1930-е гг.

Сестра Таирова сообщила только, что, мол, мастер болен, поэтому не сможет сейчас принять молодую актрису. Галина начала искать работу в Москве. Жила она в небольшой комнатке в Столешниковом переулке. Спустя много лет она показывала мне и Ане, моей дочери, этот дом и даже окно ее комнаты.

В то время в Москве существовала так называемая актерская биржа труда: актер мог принести свои фотографии, рекомендации, и его направляли на работу в тот или иной театр страны. Галина пошла на такую актерскую биржу. К этому времени у нее был уже очень хороший послужной список сыгранных ролей.

Ее, девушку особой, европейской красоты, заметил представитель Свердловского драматического театра и сразу предложил работать у них. В репертуаре Свердловского театра для нее было несколько главных ролей. Галина согласилась. На эту же московскую биржу труда пришел и Борис Иванович Терехов, молодой актер, тоже мечтавший о работе в театре. И его направили на Урал, в Свердловск. За время пребывания в Москве мама успела познакомиться с разными интересными людьми. Один молодой человек, вероятно тайно влюбленный, провожал ее до вагона. Увидев на перроне высокого и красивого юношу, он сказал Галине: «Разве перед такими плечами ты устоишь?!» Этим человеком с сильными плечами был мой будущий папа. Насколько я мо-

гу догадываться, отец действительно был неотразим. Потом, когда он приехал в Москву, в студию Завадского, чтобы поговорить со мной, мои однокурсники даже сначала не поверили, что этот молодой красавец – мой отец.

Борис и Галина вместе великолепно играли в Свердловском театре. Театр был передвижной, актеры постоянно гастролировали, переезжая из города в город. «Бродяги и артисты» – так можно сказать про всю нашу семью, живущую абсолютно походной жизнью.

Началась Великая Отечественная война. Актеры выступали и на заводах для работников оборонки, и в госпиталях. Мама рассказывала, что однажды, выступая перед ранеными, изувеченными бойцами, услышала необычный гул. Сначала она не поняла, что это за странный звук. Потом ей объяснили: это шумят бойцы в знак одобрения. Лишенные рук, аплодировать они не могли... Мама разрыдалась, когда поняла, что это за гул. Ее просят на сцену, а она плачет, дрожит, никак остановиться не может, слезы льются ручьем. Но потом все равно снова и снова выступала.

Мои родители

Галина Томашевич, конец 1930-х – начало 1940-х гг.

В такое страшное время я и родилась. Это произошло 25 августа 1942 года в городе Туринске, где гастролировал театр. Родить во время войны – это настоящий героизм. С беременностью мамы связана очень трогательная история. Времена были голодные, военные, но Галина вдруг заметила, что может есть только вареную картошку с горчицей. Когда пошла к врачу и выяснилось, что она беременна, расплакалась. Доктор говорит: «Боже мой, успокойтесь, если вы хотите избавиться от ребенка...» Галина: «Да вы что! Я от счастья плачу, я так давно этого хотела!»

До восьмого месяца мама играла на сцене. Ей приходилось перетягивать животик, чтобы никто из зрителей не замечал ее беременность. Рожала она тяжело, два дня... Я родилась светленькая, носик курносенький, глазки зеленые. Маленькой меня звали Тутуля. А поскольку родилась я в уральском городе Туринске, то мне потом дали прозвище «маркиза из Турина».

В период военного лихолетья отца забрали на фронт. Он попал в разведку, был контужен, потерял память. Долгие годы о нем ничего не было известно. Когда он нашел меня после войны, я была уже взрослой девушкой. Он не рвался в Москву, был в Сибири известным актером и режиссером. А его отец, Иван Терехов, – знаменитым в Сибири учителем. Отец умер в 1977 году. Кроме меня у него есть еще две доче-

ри от разных браков – Светлана и Юлия. Светлана с семьей живет в Кемерове, а Юлия в Москве. Несколько лет назад власти Туринска присвоили мне звание почетной жительницы города и в связи с этим вручили пакет льгот: бесплатный проезд, сниженная квартплата и так далее. Попользоваться этими привилегиями мне так и не довелось, поскольку я много лет живу в Москве и уезжать из столицы пока не собираюсь. Но мне все же очень приятен был этот знак внимания и уважения.

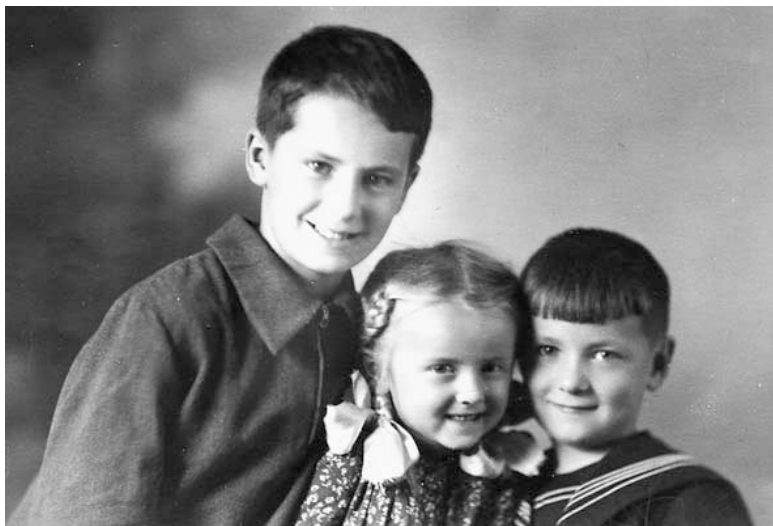

Мои воспоминания раннего детства связаны с театром. Во время маминой работы в передвижном Свердловском театре я, еще совсем маленькая, спала в коробке с реквизитом, театральными костюмами. Это и была моя колыбелька. Няничались со мной все актеры попеременно: по очереди кормили, баюкали. Я же все время куда-то заползала, проваливалась в какие-то люки. Меня разыскивали всем театром. Однажды, года в четыре, я вышла на сцену в разгар спектакля «Шельменко-денщик» и закричала: «Мама!» К счастью, от мамы мне за этот выход не досталось, она меня простила. Потом, когда немного подросла, я выучила весь мамин репертуар. Иногда меня ставили на возвышение и говорили: «Танцуй!» Я легко могла изобразить с пением и плясками любой мамин спектакль с начала до конца. И наверное, в детстве быть артисткой у меня получалось не хуже, чем потом.

Тутуля. Ташкент, 1946–1947 гг.

С двоюродными братиками Аликом и Игорем. Середина 1940-х гг.

Середина 1940-х гг.

В те годы на Урале были очень суровые зимы. Я сильно простудилась, началось воспаление легких. Сколько сил, сколько бессонных ночей стоило моей матери выходить меня! В дикий холод она сушила пеленки на себе... Мама понимала, что, если мы с ней останемся на Урале, я могу просто не выжить в этом суровом климате. Тогда она приняла решение перебраться со мной в Среднюю Азию, в теплый и по военным меркам хлебный город Ташкент, где жила ее старшая сестра. Прожили мы с мамой в Ташкенте более пятнадцати лет.

С мамой в Ташкенте

Ташкент – удивительное место, город моих детских воспоминаний, золотая пора. Я помню Дом офицеров, возле которого мы жили, и Алтайский рынок, куда бегали за фруктами. Посылая за продуктами на рынок, мама давала мне мелочь: на несколько медных монет в то время можно было купить много фруктов и овощей.

Люди в Ташкенте жили замечательные, талантливые, интеллигентные. Туда съезжались актеры, режиссеры, а после переезда нескольких киностудий именно в Ташкент переместилось все кинопроизводство страны. Там и знаменитый фильм-сказку «Золушка» снимали.

В Ташкенте, конец 1950-х гг.

Конец 1950-х – начало 1960-х гг.

Училась я легко, очень любила своих учителей, школу закончила с золотой медалью. Был почти анекдотический случай. Учитель математики думал, что я математический ге-

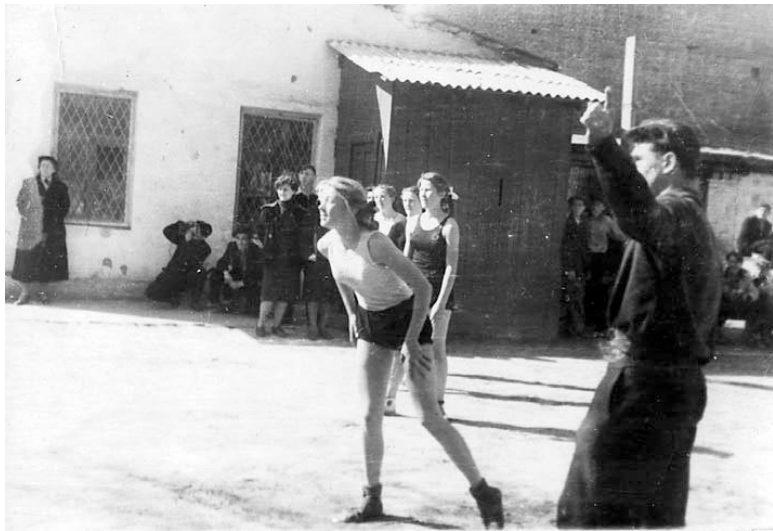
ний, когда я – единственная из всего класса – решила какую-то хитрую задачку. А я просто как понимала, так и решала. Все экзамены всегда сдавала очень легко, но больше всего в школьные годы я увлекалась спортом.

Помню, рядом со школой, в самом центре Ташкента, перелезаю через забор и попадаю в окружной Дом офицеров (там, кстати, работала моя мамочка), к прекрасному тренеру по баскетболу Анатолию Павловичу Кириллову. Он готовил баскетболистов для сборной Советского Союза и вдобавок тренировал спортивных девочек. Прекрасный человек, вечно коричневый от загара, потому что с баскетбольной площадки почти не уходил. И когда я ему сказала: «Возьмите меня тоже в команду!», он посмотрел на меня внимательно и иронично спросил: «А тебя ветром не сдует?» Я тогда была очень худенькой семиклассницей. «Ну, – я говорю, – а вы попробуйте, проверьте!» И потом я стала капитаном так называемой юношеской сборной по баскетболу Узбекистана, ни больше ни меньше! Первоначально тренировал Кириллов нас так: к активным тренировкам не допускал до тех пор, пока мяч в корзину не кинешь. Только после этого команду давал: «Ну, а теперь потихонечку бегом!» Шутил с нами постоянно. Прекрасная школа была! Мне тогда казалось, что баскетбол – единственное главное дело в моей жизни и я не брошу его никогда, – вот настолько это было серьезно. Я и прежде любила спорт, была очень подвижной, играла и в теннис, и в волейбол, но баскетбол стал моим самым главным

спортивным увлечением. Потом, кстати, спорт мне очень помог и в профессии: приходилось, например, на лошадях скакать... Вообще, чем бы я в детстве ни занималась, мне все впоследствии пригодилось.

Ташкент, август 1956 г.

Во время баскетбольного матча. Ташкент, март 1958 г.

В Ташкенте с друзьями

Я очень любила баскетбол, но долго поиграть мне в него не удалось. После школы я думала, куда мне поступать учиться дальше. У друзей спрашиваю: «А вы куда идете?» Они: «На физико-математический». – «Ну, и я с вами!» Мы жили тогда в Ташкенте на улице Энгельса, окошки нашего дома прямо на университет выходили. У меня была золотая медаль, и в 1959 году я легко поступила на физико-математический факультет Среднеазиатского государственного университета. Проучилась там немного и только потом решила ехать в Москву и поступать на актерский, как ма-

ма. Поддалась инстинкту, который все расставил по своим местам. Помню, когда в университете сообщила, что принята в Москве в театральный, один из преподавателей физико-математического факультета воскликнул: «Так вот куда вам сразу надо было идти!»

2. Студия Ю. А. Завадского и театр им. Моссовета

Приехав в Москву летом 1961 года, я стала поступать во ВГИК. Слышала, как про меня шепчут за спиной: «Вот эта девочка с косой проходит!»

Мы, абитуриенты, жили в актерском студенческом общежитии. И вот когда я была уверена, что уже прохожу, вдруг появились какие-то «свои» девочки, – и меня не берут. Я расстроилась тогда невероятно, вышла из здания и побрела по дороге, не замечая ничего вокруг. Видно, я была в таком состоянии, что на меня чуть не наехал водитель грузовика. Затормозив совсем рядом, он выскочил ко мне: «Что с тобой? Что случилось?» А что я могла ему ответить? Мол, во ВГИК не поступила? Он бы мне на это, конечно, сказал: «Ты что, сумасшедшая?» Я думала, что же мне теперь делать. Возвращаться домой и снова учиться в Ташкенте на физмате? Но так вышло, что у меня из комнаты в общежитии украли деньги. Уехать из Москвы после этого мне уже просто было не на что. Ту девочку, которая у меня вытасила деньги, кстати, потом нашли, красивая девочка... Ее впоследствии выгнали из общежития за воровство. А я задержалась в Москве... На примере собственной судьбы убедилась, как много значит случайная встреча в жизни. Хотя...

В жизни, наверное, нет ничего случайного...

Начало 1960-х гг.

В октябре 1961 года мы с приятелем совершенно случайно оказались в гущу поступающих в студию Завадского при театре имени Моссовета. И там впервые я увидел Риту Терехову. Она отличалась от других девчонок. Вздернутый носик, длинная русая коса, а главное – она словно вся светилась. От нее исходила какая-то доброжелательность, расположенность, с ней хотелось общаться. Одним словом, тогда я в нее и влюбился.

Вячеслав Бутенко

Старшекурсники из общежития, которые звали меня «девочка с косой», решили мне помочь и предложили подзаработать – сняться в документальном научном фильме. Я пошла, конечно, пробыла на съемках два дня, играла какую-то лаборантку в НИИ. Там, в студийных коридорах, я и узнала, что главный режиссер театра им. Моссовета Юрий Александрович Завадский², прекрасный актер и педагог, набирает новый курс.

Редкая удача! Это происходило лишь раз в десять – двенадцать лет. Завадский проводил набор в конце лета, самым последним. Приходили к нему те ребята, которые уже куда-то не поступили в июле, но теперь они уже никуда не рвались. Завадский не сомневался, что среди абитуриентов, «за-

² Завадский, Юрий Александрович (1894–1977) – советский актер и режиссер, народный артист СССР, педагог, профессор.

бракованных» другими театральными вузами, найдутся те, которые ему и нужны.

Прекрасно, что я не поступила в то лето во ВГИК. Тот курс оказался неудачным, его распустили. В студию я попала так. Сначала пришла к ближайшей помощнице Завадского, актрисе и режиссеру театра им. Моссовета Ирине Сергеевне Анисимовой-Вульф³.

³ Анисимова-Вульф, Ирина Сергеевна (1906–1972) – советская актриса, режиссер.

Ю.А. Завадский

И.С. Анисимова-Вульф

Как ее абитуриенты боялись! В коридорах народу была масса, но ее кабинет все стороной обходили. Я первая к Ирине Сергеевне рискнула войти. Ребята мне в один голос: «Нет, к ней не ходи, это ужас! Она всех заворачивает!» Но я все-таки решилась. Вижу: уже немолодая, очень худенькая женщина, симпатичная, глазки подведены. Взяла она мои документы, а я уже золотую медаль разворачиваю. Увидела она это и воскликнула: «Какая умница! Ну, почитай что-нибудь». Я почитала. Ей понравилось, и она мне дала допуск на участие сразу в последнем отборочном туре.

И вот отборочный тур. Мы все просто немели и трепетали

перед своими экзаменаторами, среди которых были мэтры: Марецкая⁴, Завадский...

Я очень долго ждала своей очереди, вошла в зал одной из последних. За столом и Юрий Александрович Завадский, и вся элита театра. Они уже порядком устали, Вера Петровна Марецкая почти дремала. Я решила обратить на себя внимание – естественно, все абитуриенты пытались как-то выделиться. Я положила рядом с собой сумочку, словно боясь ее потерять, и почти прокричала: «Монолог Натальи из “Тихого Дона”». Меня предупреждали: «Завадский обожает Гоголя, читай Гоголя, не вздумай читать Шолохова», но сейчас я думаю, что Завадскому вообще было не так и важно, что именно я читала. Он смотрел глубже и точно знал, кто ему нужен.

Когда я начала читать монолог Натальи, Марецкая пробудилась и выразительно посмотрела на меня. Седовласый Завадский терпеливо дослушал и спросил: «Совершенно не понимаю, почему вы так кричите. А что-нибудь потише в вашем репертуаре имеется?» Я почти шепотом произнесла лирические стихи Кольцова о России. Стенания Натальи Коршуновой, страстно любящей Григория, в сочетании с кольцовскими проникновенными объяснениями в любви к родному краю – этот контраст, очевидно, понравился всем экза-

⁴ Марецкая, Вера Петровна (1906–1978) – русская советская актриса театра и кино, народная артистка СССР. С В. П. Марецкой мы вместе работали в 1960-е гг. в спектакле «Аплодисменты».

менаторам. «Либо ненормальная, либо гениальная», – услышала я шепот за спиной. Я вышла из зала, а потом узнала, что прошла первым номером.

На 1-м курсе студии Ю. А. Завадского

С А. И. Баранцевым. «На такой носик всегда найдется спросик!»

Я не буду рассказывать о том, что Рита Терехова – актриса Божьей милостью, не буду перечислять ее работы в кино, они были одна лучше другой, это и так все знают.

Я расскажу о ней как ее подруга. Мы познакомились на приемных экзаменах в Школу-студию при театре Моссовета. Во дворе стояла огромная толпа, я несколько дней ходила, чтобы записаться на консультацию. На втором туре приемных экзаменов, на фоне волнующихся абитуриентов, стояла девочка с длинной косой и читала книгу. Я подошла и говорю:

«Девочка, как тебя зовут?» Она ответила: «Рита». – «А что ты читаешь?» – «Капитанскую дочку». – «Я очень волнуюсь, а ты?» – «Я тоже». За столом приемной комиссии сидели: Завадский, Орлова, Плятт, Мордвинов, Марецкая, Сошальская, Бероев, Саввина, Анисимова-Вульф, Бирман.

А потом мы с Ритой оказались среди тех счастливцев, кто поступил. Я была на курсе самая младшая, и она сразу взяла меня под крыло – я так за ней хвостиком и ходила. У нас был очень талантливый курс! Студия находилась в самом театре, наверху располагалось отдельное помещение. Будучи студентами, мы уже выходили в спектаклях театра и могли учиться у великих прославленных мастеров сцены. Это было очень счастливое время: и влюблялись, и любили... Но мало кто знал, в каких тяжелейших условиях Рите приходилось выживать в Москве. Почти все мы были москвичами, а она приехала из Ташкента, и ей негде было жить, общежитие для студентов театр не предоставлял. Недолго она жила у родственников, какое-то время у педагога сценической речи, как-то пристроилась в общежитие ВГИКа. Стипендия маленькая, мама присылала ей из Ташкента все, что могла. Рита ходила в вытертой шубке еще со школьных времен, и я помню, как она купила домашние войлочные ботинки и на них отдала сделать подошву, чтобы носить их зимой. Она застудила легкие, и потом всю жизнь, конечно, это давало себя знать (я вообще не представляю, как она

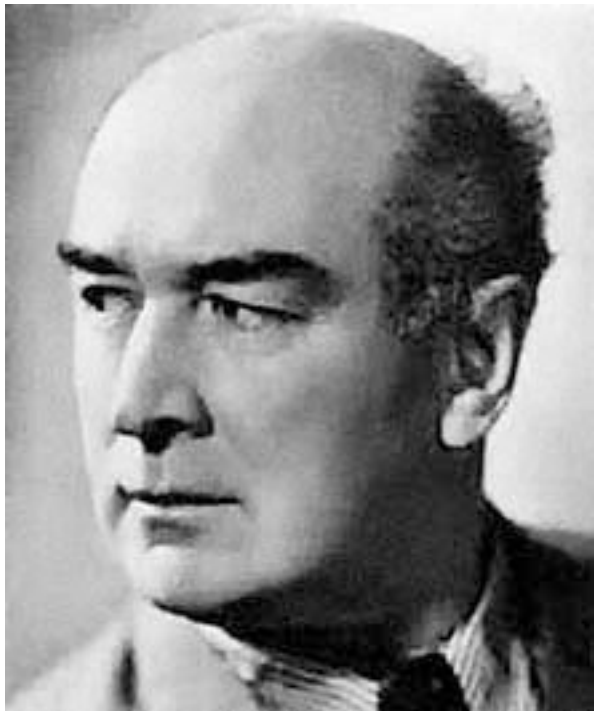
выдерживала с ее легкими такие нагрузки!). Моя мама очень любила Риту и всегда спрашивала, когда она придет к нам обедать, старалась как-то поддержать ее в Москве. Часто Рита оставалась у нас ночевать.

Наталья Верова

Так я оказалась принята в Школу-студию при театре имени Моссовета. Но если бы не это поступление, не Юрий Александрович, то не знаю, что бы со мной было. Завадский признавался: «Не скажу, что с первых же занятий в студии стало ясно, что перед нами прирожденная актриса. В Рите привлекало другое: ее человеческая неповторимость, которая при настойчивом овладении профессиональным мастерством обещала перейти в неповторимость актерскую».

Нашими педагогами в Школе-студии были великолепные мастера. Курс актерского мастерства вели М. Г. Ратнер и чудесный актер А. И. Баранцев, который в «Короле Лире» играл Шута.

На него приходили посмотреть актеры и режиссеры из других театров. Баранцев нам, студийцам Завадского, отдал лучшие годы. Александр Польш, прекрасный знаток западного театра, приходил и говорил о Баранцеве: «Не бывало еще, чтобы шут в “Короле Лире” переигрывал короля. А Баранцев это смог сделать!»

Н. С. Мордвинов

В. П. Марецкая

С. Г. Бирман

А Лира тогда играл Н. Д. Мордвинов⁵, тоже великий актер. Помню, Мордвинов мне, еще совсем юной, говорил в шутку: «На такой носик всегда найдется спросик!»

С нами работали талантливейшие педагоги, преподавали нам сценическую науку во всевозможных вариантах, даже биомеханику Мейерхольда⁶. У нас в Школе-студии такой урок был по биомеханике, по владению своим телом: девочки, стоя на плечах у мальчиков, должны были спускаться в фойе по очень большой лестнице. Держаться за перила при этом было нельзя. Это невероятно сложно выполнить! Еще мы ставили самые разнообразные этюды, а Завадский подсказывал нам что-то, поправлял, иногда и смеялся до слез. Он пригласил к нам лучших педагогов, объединил гениальнейших людей, среди которых были С. Г. Бирман⁷, Л. П. Орлова⁸, Р. Я. Плятт⁹, Ф. Г. Раневская¹⁰, В. П. Марецкая – не

⁵ Мордвинов, Николай Дмитриевич (1901–1966) – русский театральный актер, народный артист СССР.

⁶ Биомеханика – новая система подготовки актера, введенная в театральную практику В. Э. Мейерхольдом. Благодаря этой системе движения актеров обрели особую выразительность.

⁷ Бирман, Серафима Германовна (1890–1976) – советская и российская актриса театра и кино, театральный режиссер, теоретик, народная артистка РСФСР. М. Терехова и С. Бирман вместе работали в спектакле «Цезарь и Клеопатра». – *Прим. сост.*

⁸ Орлова, Любовь Петровна (1902–1975) – советская актриса театра и кино, народная артистка СССР.

только театральные, но и кинозвезды.

⁹ Плятт, Ростислав Янович (1908–1989) – советский актер театра и кино, народный артист СССР. М. Терехова и Р. Плятт работали вместе в 60-е годы в спектаклях «Цезарь и Клеопатра», «Дальше – тишина». – *Прим. сост.*

¹⁰ Раневская, Фаина Георгиевна (1896–1984) – советская актриса театра и кино, народная артистка СССР. М. Терехова и Ф. Раневская работали вместе в спектакле «Дальше – тишина» (1969). – *Прим. сост.*

Л. П. Орлова

Мы были редким исключением из правил – я имею в виду другие учебные заведения. Все происходило на наших глазах. Мы могли почувствовать, как собирается спектакль. Мы жили в театре три года, с утра и до вечера. И поэтому это были замечательные годы. Очень многое в тот период было заложено в нас, что потом нас всех объединяло. Мы принадлежали к одной актерской школе, чего и добивался Завадский.

Вячеслав Бутенко

Работа с ними, настоящими мэтрами, была для нас истинной академией. Они не всегда напрямую учили нас, чаще показывали просто на своем примере и на конкретном материале. Мы, благоговей, наблюдали за тем, как они работают. И мы практически сразу существовали на сцене рядом с ними. Пусть в массовке, эпизодах, но на одной сцене. Иногда Завадского разные люди со стороны или актеры «по-среднее» даже ругали: «Театр для студии или студия для театра?» Но в театре им. Моссовета был изначальный принцип: молодых следует учить рядом с мастерами, им надо только показать, как делать, а не читать назидательные наставления, не тыкать пальцами.

**Выпускной спектакль «Школьный вальс», 1964 г. С
В. Беревым и В. Деминым**

В студии с Вячеславом Бутенко

Я и не мечтал о театре, и не смотрел даже в эту сторону, и все для меня было внове, и моим поводырем во всем с 1-го курса была Рита. Мы с ней были всегда вместе, вместе делали отрывки, этюды, потом, после окончания студии, вместе выпускались в дипломном спектакле. На 2-м курсе мы с ней поженились.

Свадьба была у нас в моей комнатухе в общей квартире, пришла студия, актеры молодые из театра. Набилась тогда полная комната, даже двери мы не смогли закрыть. Было весело, все говорили какие-то тосты, желали нам счастливой долгой совместной

жизни. А я даже и не помню про нашу совместную жизнь каких-то подробностей, потому что все время с утра до вчера мы проводили в театре. Разошлись мы сразу после окончания студии, разбежались в разные стороны. Развелись позже.

Вячеслав Бутенко

В качестве дипломного спектакля режиссер Мирра Григорьевна Ратнер поставила «Два вечера в мае». Там я сыграла художницу. У меня сначала была какая-то почти сверхъестественная убежденность, что я – актриса. Через некоторое время от этой уверенности не осталось и следа. Человеку профессиональному ведомы самые большие сомнения.

Например, великий Мордвинов за все три года пришел к нам в студию всего один раз, но сказал слова, которые мы навсегда запомнили: «Я до сих пор не знаю, правильно ли я поступил, что стал актером». А это Мордвинов! Но нет ничего важнее истин, которые впитываешь с воздухом. В ночных пустых коридорах театра, в резонансах репетиционных залов, в толкотне премьер, заблудившись среди живых и почивших классиков, не за партой, а в театральном тарараме и суете – так три года работала студия. Как чудесно было каждый день приходиться сюда и, раскрыв глаза, слушать, как великие рассеивают афоризмы, смотреть, как одевается к выходу на сцену Орлова, как Раневская говорит молодому режиссеру: «Бо-оря, после этой репетиции Вы должны на мне жениться!» Тот: «Почему, Фаина Георгиевна?» – «Ну как

же? Теперь три часа ночи, что я лифтерше скажу?»»

В роли Клеопатры. Спектакль «Цезарь и Клеопатра», 1960-е гг.

В 1964 году я закончила студию, но еще до этого, вместе забеременевшей Нины Дробышевой¹¹, получила главную роль в спектакле «Цезарь и Клеопатра» по пьесе Бернарда Шоу.

Мне тогда сказали: «Театр Клеопатрами переполнен. Если у тебя не получится, то, уж извини, возьмем другую». Завадский иногда спрашивал меня: «Подумай, может быть, это не твоя роль? Подумай, подумай, я тебя с роли не сниму, но, может быть, это не твой путь».

Высшим проявлением гнева у Завадского было то, что он бросал карандаши и выходил из зала. Но по отношению к Тереховой такого не было никогда – он ее любил, обожал. Она первая получила роль на сцене, играла Клеопатру. И на съемки он ее отпускал.

Александр Ленюков

Роль Клеопатры помогала мне разучивать великая актриса и режиссер Серафима Германовна Бирман. В трагедии она играла няньку Фтотатиту. Серафима Германовна перед спектаклем, настраиваясь, покрывала лицо темной тканью, но иногда из-под этого покрывала такие советы давала нам, молодым, что мы просто диву давались. Не раз Бирман во-

¹¹ Дробышева, Нина Ивановна (род. в 1939 г.) – российская актриса театра и кино, народная артистка РФ.

дила меня к себе домой, в подлиннике читала мне пьесу Бернарда Шоу, обращая мое внимание на все детали, авторские ремарки: «Клеопатра бушует», «пламенеет», «в гневе» и т. д. Бирман взвинчивала мне нервы, наполняла эмоциями, настаивала, старалась привить царскую осанку. Она настойчиво спрашивала:

– Рита, знаешь, что у тебя течет в венах? – Что, Серафима Германовна?

– В лучшем случае какая-нибудь подмосковная речушка! А знаешь, что у тебя должно течь в венах?

На гриме «Клеопатры». Фото Г. Тер-Ованесова

– Нет, Серафима Германовна...

– Н-и-и-л!!!

Без этого особого настроения сыграть Клеопатру было бы невозможно. А пластике египетской царицы я училась у кошек: они ведь самые изящные и грациозные существа на свете. Я внимательно следила за ними, перенимала их неторопливые, плавные движения.

С Ростиславом Пляттом (Цезарь). Спектакль «Цезарь и Клеопатра», 1960-е гг.

В этом спектакле я играла вместе с великолепным актером Ростиславом Яновичем Пляттом. В начале действия Плятт был в образе Бернарда Шоу, а затем играл самого Цезаря. Ростислав Янович поначалу несколько стеснялся этой роли: стареющий Цезарь вступает в любовные отношения с юной царицей Египта. Когда явилась я, еще тогда студентка,

он сказал: «Ну, все, совсем уже возвращение малолетних!»

Я его умоляла целоваться со мной на сцене (так необходимо было по роли), а он что только ни делал, чтобы этого избежать! Я уверяла его, что мне это даже приятно, но он не верил. С Пляттом мне посчастливилось потом работать еще в спектаклях «Дальше – тишина» (там я играла внучку) и «Тема с вариациями».

Это было невероятным везением – играть, общаться, работать с такими прекрасными партнерами. Только среди больших мастеров на сцене, а не в изолированном от театра учебном заведении можно стать профессиональным актером. И всех их объединил Завадский. Он, абсолютно гениальный ученик Вахтангова, всех актеров прикрывал, чтобы их не посадили, не сослали, потому что времена были страшные. Все держались друг за друга. К сожалению, мы были последним набором Завадского...

То, что он выделял меня из всех остальных студийцев, я по-настоящему поняла только после его смерти. О Завадском ходили легенды! Например, он, постоянно погруженный в творческий процесс, встречал людей, спрашивал их о чем-то и не всегда помнил о чем. «Как поживаешь?» И только человек открывал рот, чтобы ответить – Юрия Александровича уже нет. Он мог положить телефонную трубку в середине беседы. Он мне говорил после каких-то моих неприятностей: «Ты же сильная! Ты же сильная...» Я отвечала:

«Ладно, хорошо, я сильная, Юрий Александрович!» Он тут же клал трубку. Завадский встречал меня в театре:

– Ну, как ты вчера играла?

– Юрий Александрович, а Вы видели?

– Нет.

– О, я играла прекрасно! Великолепно!

– Ах ты, дрянь такая!

Когда Завадский входил в зал, с ним словно входило само искусство. И критерии в профессии у него были соответственные. Мы, словно птенчики, жались под его крыло. Конкретно мне он напрямую не помогал, не протезировал, но он делал главное: не давал в обиду. Это было действительно самое необходимое для тех, кто только начинает работать в театре, как-то определяется в жизни, встает на ноги. Юрий Александрович давал мне замечательные роли, хотя и говорил, что никогда не знает, чего можно от меня ожидать. Поэтому в шутку и прозвал меня «черным ящиком».

Мне кажется, что Рита, как все художники, очень дорожит своим внутренним миром. Она человек не то чтобы закрытый, нет. Но она очень оберегала этот свой внутренний мир и никого не пускала туда. На многие вещи у нее была своя собственная категоричная и непреклонная точка зрения.

Вячеслав Бутенко

Мы, начинающие актеры, приходили к нему в гости, пили чай, опустошали холодильник, а он нам ни слова против не

говорил, показывал фотографии, рассказывал о театре. Однажды среди фотографий мы увидели Завадского рядом с Гретой Гарбо¹². Начинаем его спрашивать, а он отвечает: «Какая Грета Гарбо? У меня одна Верочка Марецкая чего стоит!»»

¹² Гарбо, Грета (1905–1990) – шведская и американская актриса, за вклад в развитие киноискусства получила в 1954 г. премию «Оскар».

**Во дворе театра им. Моссовета с Ю. А. Завадским.
Фото В. Петрусовой**

Это были какие-то другие отношения у молодых актеров с нашим руководством, не те, какие существуют сейчас. Заканчивался рабочий день. Вместе со студентами после репетиции Завадский шел в гардероб. Там он мог неожиданно положить руку тебе на плечи и начать спрашивать, какие этюды ты делаешь. Через другое плечо он перекидывал макинтош и выходил из театра. Ты же не мог скинуть его руку и шел рядом с ним. Выходил из садика, поворачивал на Тверскую, и вот ты под этой рукой доходил вместе с ним до его дома.

Он приглашал за стол и кормил тебя обедом: первое – второе – третье. После такого обеда, как правило, тебя бросало в сон, потому что спали мы мало, а обед сытный. Так после обеда он не успокаивался, приглашал к себе в маленькую комнату, ложился на диван и продолжал спрашивать – «чем сейчас занимаешься», просил что-то почитать и так далее. И ты, преодолевая сон, пытался что-то продекламировать, пока он не сжалится над тобой и не отпустит. Завадский понимал, что студийцы – люди малообеспеченные, голодные, и вел нас кормить к себе домой. Сейчас такого и быть не может.

Вячеслав Бутенко

С Верой Марецкой мне посчастливилось играть в спектакле «Аплодисменты» по пьесе А. Штейна.

С Сашей Ленковым

А это мы с Леньком (Сашкина
фамилия Леньков) Чарльстон тан-
цуем на концерте, хорошо
принимают. Завтра поедем
еще на один, в школу
Т. Чернова просила, говорит
- покормят!!

Рита

Подпись на обороте: «А это мы с Леньком (Сашкина фамилия Леньков) чарльстон танцуем на концерте, хорошо принимают. Завтра поедем еще на один, в школу, Т. Чернова просила, говорит – покормят!! Рита»

Завадский сумел в своем театре создать уникальный актерский коллектив. Он был одним из немногих великих режиссеров, которые не погибли в начале века, сохранили себя для этой жизни, для творчества. Он был уникальным, великим режиссером, хотя и говорил, что ни одного спектакля не

сделал так, как хотел бы. А у него были по-настоящему великие спектакли! Одна женщина, архитектор, которая пришла работать в кино и реализовала там свои архитектурные проекты, признавалась, что самые гениальные идеи она взяла именно у Завадского. Известно высказывание Раневской о том, что Завадский умрет от расширения фантазии. Действительно, его фантазия была невероятной, а его театр был театром будущего, опережающим само время.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.